

Звягинцев постучал в дверь кабинета руководителя.

— Войдите, — раздался оттуда едва слышный приглушённый мужской голос.

Звукоизоляция в помещении была на высоком уровне.

Святослав приоткрыл дверь и робко спросил:

— Разрешите, товарищ подполковник? Вы меня вызывали?

— Слава, проходи, присаживайся...

Карие глаза подполковника внимательно разглядывали посетителя. Лоб Петренко прочертила глубокая складка, лицо выражало раздражение. Святослав сел, он был напряжён и не ожидал ничего хорошего.

— Так и будешь молчать? — грубо спросил Петренко.

— Сергей Иванович, не знаю, что вы хотите от меня услышать, — произнёс Звягинцев.

— Эх, Слава, Слава... — протянул подполковник. — Что же ты меня так подставляешь?

— Не могу знать, товарищ подполковник, — вытянулся на стуле в струну Святослав. Его спина была напряжена.

— Хочешь сказать, что не знаешь, почему я тебя вызвал? — вкрадчиво спросил Петренко, при этом за внешним добродушием можно было различить угрожающие нотки.

— Никак нет, товарищ подполковник!

Святослав придерживался старого как мир армейского принципа — солдат перед лицом командира должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство.

Петренко медленно со скрипом открыл первый ящик стола и извлёк оттуда папку. На ней можно было разглядеть надпись «Личное дело» и фамилию «Звягинцев».

— Вот тут, Слава, — вкрадчивым, не сулящим ничего хорошего голосом, продолжил подполковник, — твоё личное дело. На тебя поступила занимательная писулька. Не догадываешься, что в ней?

Святослав догадывался, что Ласка мог написать что угодно, но надеялся на лучшее, хотя умом понимал, что ожидать стоит худшего. Дабы не сболтнуть лишнего, он мотнул головой и твёрдо сказал:

— Никак нет, товарищ подполковник!

— Зря, очень зря... — покачал головой Петренко. — Я бы на твоём месте уже сквозь землю провалился бы. Если почитать эти каракули, то выходит, что ты, Слава, предатель Родины!

— Даже так?!

Святослав был крайне изумлён. Он ожидал многого, но чтобы его назвали предателем Родины, хотя он только и делал, что этой самой родине помогал, превозмогал себя и на протяжении последних дней ежедневно рисковал жизнью в борьбе с пришельцами и при добыче полезной информации. Удивительно было слышать нечто подобное.

— Да-да, — продолжил Петренко. — Во-первых, — загнул он палец на левой руке, положив правую ладонь на папку с личным делом Звягинцева, — ты использовал препарат, который обязан был сдать на склад.

— Ради спасения человеческих жизней! — тихо, но с гордостью произнёс Святослав. — В боевой обстановке все средства хороши для спасения вверенного личного состава, я не мог поступить иначе. Как бы после этого смотрел в глаза людям, зная, что мог помочь, при этом оказался паскудой, и не сделал этого?

— Тем не менее, Слава, ты нарушил приказ, причём письменный, за который ты расписывался, — продолжил подполковник. — Все зелья и вещи пришельцев положено сдавать на склад, и никак иначе поступать с ними ты не имел права.

Петренко сделал паузу и стал пристально сверлить взглядом подчинённого. Святослав недовольно поджал губы. Он считал, что поступил правильно, несмотря на всякие писульки и приказы. Сам побывав одной ногой в могиле, он не желал того же юным солдатам, которые жизни не видели. Мальчишки, которым и двадцати лет нет, они не заслуживали подобной участи, у них вся жизнь впереди.

— Понятно... — протянул подполковник безэмоциональным тоном, от которого по спине могли бы пробежать мурашки, если бы у тела дубля была подобная функция. — Ты даже не раскаиваешься... Но это не всё.

Петренко раскрыл папку и ткнул указательным пальцем правой руки в центр предпоследнего листа, после чего загнул второй палец на левой ладони.

— Во-вторых, — сказал он, — ты раскрыл Совершенно Секретную информацию! Ты передал

секретные сведения солдатам! — металлические нотки ярости проскользнули в голосе мужчины. — Ты хоть понимаешь, насколько всё серьёзно?

— Никак нет, товарищ подполковник. Всё было в пределах выполнения порученного задания. Без разглашения части сведений выполнение задания по удержанию пришельцев было бы поставлено под угрозу. К тому же информация была передана лишь офицерам, и они дали подписку о неразглашении.

— Значит, ты признаёшь, что без ведома руководства передал секретные сведения... — холодно констатировал подполковник. — Не важно, чем ты, Слава, руководствовался, вот тут, — потыкал он пальцем в папку, — всё отражено. Копия этой бумаги ушла в Москву...

На этом моменте Петренко сделал паузу и холодно посмотрел на Святослава, который боялся сболтнуть лишнего. Ему и так казалось, что сказал слишком много, поэтому ждал, что произнесёт руководитель.

— Молчишь? — продолжил подполковник. — Слишком много у тебя косяков, Слава. Я уже не рад, что за тебя поручился. На что ты рассчитывал?

— Я рассчитывал на награду за спасение Родины и людей, товарищ подполковник. Никак не на выговор за отлично выполненную задачу, с которой некоторые коллеги не справились.

— Выговор? — зло произнёс Петренко. — Нет, Слава, выговором ты не отделаешься! Из Москвы уже пришёл приказ, по которому тебя следует задержать и судить по всей строгости военного времени, как предателя Родины, разгласившего совершенно секретную информацию посторонним лицам!

От такой новости Звягинцев впал в ступор.

— Как, судить?! — выпучил он глаза. На лице парня было написано искреннее изумление.

— Обычно судить, Слава, военно-полевым судом! — припечатал подполковник. — А ты думал, мы тут в бирюльки играем?

— Лучше бы я сантехником продолжал работать... — пробормотал Святослав.

— Вот-вот! — зло усмехнулся Петренко. — Лучше бы ты вообще на мою голову не сваливался со своими пришельцами, а чинил себе горшки.

— Странная награда тому, кто всеми силами пытался спасти Родину от захватчиков, — пробормотал Святослав.

Из Звягинцева, казалось, вынули стержень и выпустили весь воздух. Он осунулся, опустил плечи, а лицо испещрили морщины. Внезапно ему пришла в голову мысль, что о краже зелий повышения характеристик не прозвучало ни единого слова. Неужели Рома не отразил это на бумаге? Может, Ласка надеялся, что отведёт от себя угрозу, но при этом напарник отделается лёгким испугом и увольнением? Хотя... Даже если он ничего не написал про зелёные зелья, уже озвученного хватит на десять лет с конфискацией имущества.

— Надо было работать лучше, Слава, — сухо произнёс подполковник, — а не языком трепать!

— Куда уж лучше?! — искренне удивился Звягинцев. — Что ни день, меня пришельцы пытались убить. Между прочим, я не знаменитый киношный «суперагент ноль ноль один Данила Багров», а обычный сантехник!

— Вот-вот, — криво ухмыльнулся Петренко, — агент КГБ из тебя вышел хреновый.

Внезапно дверь в кабинет распахнулась. В помещение быстро просочились два крепких милиционера, которых Звягинцев видел впервые. Петренко кивнул на ошарашенного развитием событий Святослава и приказал милиционерам:

— Увести его в камеру.

— Как же так?! — впал в ступор Звягинцев, умоляюще посмотрев на подполковника. — Сергей Иванович, за что вы так со мной? Вы же понимаете, что иначе нельзя было?

— Ты сам виноват, Слава, — покачал головой Петренко. — За свой длинный язык придётся ответить. Надеюсь, хоть сейчас тебе станет понятно, что ты был частью серьёзной организации, а не делал куличики в детском саду «Ромашка»...

Дубля Звягинцева скрутили опытные милиционеры, хватка у них была серьёзной, обычный человек из неё не вырвался бы, поскольку испытал бы жуткую боль от вывернутых назад рук. Но Дубль боли почти не испытывал, он мог регулировать её уровень, отчего в настоящий момент чувствовал кое-что в рамках тактильных ощущений, дабы не навредить себе ненароком нанесённой травмой из-за полного отсутствия боли. Так что при желании Слава мог бы вырваться, но не стал делать этого.

Святослав воспользовался преимуществами нынешнего тела, постарался отрешиться от окружения, хотя сделать это было сложно. Милиционеры вели его по коридору, руки заковали в наручники, с лица сняли очки, из карманов достали всё, что было: телефон, красную корочку сотрудника КГБ и мятый носовой платок, завалявшийся в кармане джинсов с прошлой стирки.

Итак, всё выглядит вполне реалистично. На спектакль совершенно не похоже. Похоже, что мир сошёл с ума, точнее, некоторые его представители. Пересиливая себя, рискуя жизнью, выполняешь свой долг, а тебя за это наказывают. Разве это справедливо?

— Что, предатель, допрыгался? — зло зыркнул на Святослава один из милиционеров, больно надавив на руку. — Шевелись, тварь!

Слава хоть испытал лишь слабый отголосок боли, но для вида поморщился. Он понимал, что милиционеров не стоит провоцировать. Да и вообще никого нельзя провоцировать, чтобы сохранить целостность дубля как можно дольше. Если двойник внезапно исчезнет, всё в разы ухудшится. Если осудят дубля — это не так страшно, как самому сесть в тюрьму.

— В тюрьме тебе понравится, — ухмыльнулся тот же озлобленный милиционер. — Там любят таких смазливых...

Святослав не понимал подобного отношения к себе со стороны конвоя, поэтому решил уточнить:

— Простите, не понимаю, почему вы так негативно настроены ко мне? Я же не педофил, а всего лишь выполнял свой долг, как это делаете вы. Просто спас солдат от смерти.

— Заткнись, тварь! — зло произнёс тот же милиционер, ударив дубля правым кулаком по почкам. — Не ври мне! Нам сказали, что ты предатель, работаешь на пришельцев! Надеюсь, пожизненное заключение в тюрьме тебе пойдёт на пользу!

— Странные у вас представления о предательстве, — тихо пробормотал Звягинцев. — Если взять зелье пришельцев и напоить им умирающих солдат — это предательство, что же такое героизм?

— Ты!!! Да я тебя за такую ложь...

У того же милиционера от злости желваки заходили ходуном, он хотел нанести несколько ударов по почкам Звягинцева, который понял, что лучше молчать, а то его затея может закончиться провалом слишком быстро. Святослав пожалел о вырвавшихся словах, но порадовался, что выяснил немного о своей участи, точнее, он надеялся, что об участи двойника. Пожизненное заключение... Не так страшно, как смертная казнь. Тогда бы двойник быстро спалился, а так есть шанс продержаться хоть какое-то время.

Слава ожидал ударов, даже зажмурился, но ничего не происходило. Он открыл глаза от резкого тычка в спину, и с удивлением обнаружил, что второй милиционер, который всё это время сохранял спокойное выражение на лице, поймал занесённую для удара руку коллеги и отрицательно покачал головой. Он явно был недоволен самоуправством коллеги. Именно он толкнул Звягинцева в спину, заставляя того двинуться дальше, после чего опустил руку товарища.

— Макс, ты чего? — с обидой спросил «злой» милиционер у «доброго».

— Не стоит, — спокойно произнёс Макс. — Вдруг он, — кивнул парень на Звягинцева, — не врёт. Ты же знаешь, что в конторе иногда творится полная дичь. А если бы среди погибающих солдат был твой брат, сват, дядя, отец?!

— Да быть такого не может! — презрительно фыркнул «злой» милиционер.

Поняв, что дальше лучше не станет, Звягинцев решил, что с него этого цирка хватит. Он оставил дубля на самоуправление и через мгновение очнулся в своём теле. Распахнув глаза, он потянулся вперёд, нащупал на панели приборов снятые на всякий случай очки и водрузил их на место. Мир сразу обрёл чёткость. Возле автомобиля никого не было, а вот эмоции...

Святослава переполняло от переживаний. Он находился в шоковом состоянии. В теле дубля он не был столь сильно шокирован, теперь же переживал невероятный ужас. В сознание стучался исконно русский вопрос: «Что делать?!». О том, кто виноват, речи даже не шло, было ясно, что Святослав сам виноват в своих бедах, поскольку изначально сделал неправильный выбор. Не стоило обращаться в КГБ. Пусть хоть рептилоиды с Нибиру устраивали бы под окнами оргии, оно не стоило того, чтобы отравлять себе жизнь обращением к чекистам. Жаль, что хорошие мысли приходят после того, как произошло что-то плохое.

Звягинцев кинул взгляд на пассажирское сиденье. На нём лежал пакет с выстиранным и высушенным милицейским кителем.

— А пиджачок-то я сержанту не передал... Нехорошо получилось, но сейчас не до этого.

Тем временем подполковника Петренко вызвали к начальнику. Мужчина сидел в шикарно обставленном кабинете на удобном кожаном кресле для посетителей. Полковник КГБ Ярославцев Михаил Алексеевич разместился в директорском кресле за большим столом, на котором был установлен моноблок с тридцатидюймовым дисплеем. Он провёл ладонью по коротким седым волосам, после чего отбарабанил пальцами по лакированной столешнице.

— Что скажешь, Серёжа, по поводу своего слесаря? — спросил он.

— Михаил Алексеевич, это не мой слесарь, — поморщился Петренко. — Его забрали под стражу.

— Это правильно, — кивнул полковник. — Надо же придумать — наши зелья изводить на каких-то солдат! — возмутился он. — Он, считай, в наш карман залез! Каждый флакон уходит по полмиллиона рублей, пусть каждый третий приходится в Москву руководству отправлять, но нехорошо, когда обычный агент считает себя вправе тратить наши деньги. Три миллиона, Серёжа! Он кинул нас на три миллиона!

— Допустим, «некоторым» только десять процентов отходит, — заметил Петренко, — но вы правы, Михаил Алексеевич, не дело это в наш карман руку запускать.

— Так что с этим парнем? — спросил Ярославцев.

— Припугнул его, — начал Петренко. — Сказал, что отчёт в столицу ушёл, и что его будут судить военно-полевым судом. Он поверил, испугался, — ухмыльнулся подполковник. — Хотя любому понятно, что нам не нужно выносить сор из избы. Но это же простой сантехник.

— Сурово ты с ним. — От улыбки у полковника разгладились морщины. — Но этот парень не один такой. Есть у меня подозрения, что другие оперативники прикарманивают вещи пришельцев. Оперативникам нужен пример козла отпущения, чтобы боялись оставлять себе зелья и прочие инопланетные штуки. Всех не проконтролируешь, к тому же не каждый побежит стучать на коллегу, поскольку может быть с ним в доле. Вовремя нам попался этот болванчик. Опытных оперативников в такой ситуации лучше не трогать. Ты этого, Ласку, тоже обласкай!

Ярославцев рассмеялся над своим незатейливым каламбуром.

— Что предлагаете делать с лейтенантом Ласка, товарищ полковник? — участливо спросил Петренко.

— Что... — задумался полковник. — Увольнять и сильно брать за яйца не стоит, всё же он стукнул на товарища, нам такие муда... в смысле, правильные чекисты с холодным разумом и горячим сердцем нужны. Но и без наказания оставлять нельзя. Ты, Серёжа, лиши его премии, и строгий выговор влепи за использование подотчётных средств без разрешения командования. Оно, конечно, парень правильно поступил, спасая товарища, но оперативников много, а денег всегда мало. Считай, полмиллиона в пустоту спустил, на какого-то вшивого водопроводчика!

— Так точно! — спокойно произнёс подполковник. — Что прикажете делать со Звягинцевым?

— Звягинцева промаринуй у нас в казематах, лучше всего в одиночной камере, чтобы он проникся, — начал Ярославцев. — Заодно по управлению слух пусти о том, что бывает с теми, кто крысятничает. Но, Серёжа, сам понимаешь, нам огласка этого дела не нужна. Поэтому будь добр, до официального разбирательства не доводи, а то...

— Понимаю, Михаил Алексеевич, — кивнул Петренко. — Из столицы нам по шапкам надают, мало не покажется.

— Именно, Серёжа, — высказался Ярославцев. — Именно так. Потом гони этого Звягинцева пинком под зад с волчьим билетом, чтобы духу его тут не было. Ну и... — Кривая усмешка искажила лицо мужчины. — Припугни его хорошенько, чтобы рыпаться боялся. Шаг влево, шаг вправо — расстрел. Так и скажи. Пусть себе по канализациям дальше ползает. Ты мне вот что

скажи, зачем вообще ты такого человека к нам принял?

— Товарищ полковник, вы же сами прекрасно знаете, что в связи со сложившейся обстановкой у нас острая нехватка персонала, — оправдывающимся тоном сказал Петренко. — Людей катастрофически не хватает. Нам нужны были хотя бы такие агенты, которыми дырки заткнуть можно. Ну и... Которых не жалко, в случае, если что-то произойдёт. А как показала практика, агенты мрут, как мухи. Что ни день, так несколько трупов. Приходится набирать людей с улицы. В таких, как Звягинцев, можно хотя бы быть уверенным, что они не агенты пришельцев. Да и агентами иностранных разведок обычные работяги не могут быть в принципе. Кому они нужны для вербовки?!

— Логично, — согласился Ярославцев. — Что же, Серёжа, иди, занимайся своими делами.

— Есть, товарищ полковник!

Звягинцев понимал, что дома ему оставаться нельзя. Денег на аренду жилища не было. Вся наличность — это четыреста рублей, которые остались от того, что в последний раз натаксовал дубль. Особо не пощикуешь. В гараже тоже нет смысла прятаться. Да ещё дублей нужно куда-то деть. Развеять рука не поднимется.

Подумав, Святослав подключился к Третьему и Четвёртому, после чего передал им указания. Дублям следовало замаскироваться при помощи респираторов и головных уборов. В рабочей одежде, респираторах и бейсболке один, в панаме другой, дубли смотрелись гармонично, будто обычные слесари. Причём с первого взгляда не скажешь, что они одинаково выглядят. А если такая мысль и промелькнёт, то почти любой человек спишет это на одинаковую рабочую форму. Респираторы на рабочих не кажутся подозрительными, мало ли, чем они занимались. Вот если в общественном транспорте так ехать — тогда странно, а по улице пройти — никто не обратит внимания, разве что редкие прохожие мельком посмотрят и вскоре забудут.

Один дубль вооружился рюкзаком, второй плотными мусорными пакетами большого объёма. Им была поставлена задача перенести продукты и некоторую часть гардероба из квартиры в гараж. Соседи не должны обратить внимания на подобное, скорее всего они подумают, что Святослав попросил коллег-сантехников перенести хлам в гараж, ведь каждой собаке на районе известно, кто живёт в этой квартире. Самого же Звягинцева опознать в замаскировавшихся клонах для его знакомых будет непросто, поскольку респиратор закрывает почти всё лицо, во-вторых, все привыкли, что Слава носит очки, на что обращают внимание в первую очередь, а дубли этот путь проделают вслепую, убрав очки в карманы.

В общем, хоть Святослав мандражировал, но до гаража он доехал без аварий. К этому времени дубли сделали несколько ходок от квартиры досюда и перенесли почти все продукты длительного хранения.

Машина была загнана в гараж.

— Третий, загружай мешки с продуктами в автомобиль, — приказал Святослав. — Второй, — позвал он.

Из-под машины выполз дубль.

— Второй, как самый зрячий ты будешь устанавливать на крышу багажник вместе с Четвёртым.

Мешки тут же были загружены в багажник Москвича, пришлось сложить заднее сиденье, чтобы они поместились. Пара дублей установила на крышу автомобиля багажник, который до этого был прислонён к стенке. Слава поручил грузить в машину и на верхний багажник самое необходимое. Наверху стала расти горка разных вещей: лопаты, топоры, пилы, гвозди, молотки, спальный мешок, палатка... Список этим не ограничивался, там было многое другое, необходимое для проживания на природе. Машина оказалась загружена под завязку, у неё просели пружины.

— Что же, — обвёл печальным взглядом гараж Звягинцев, — придётся бомжевать.

Святослав задумался о том, куда ехать. Ведь нужно соблюсти целый ряд условий. В первую очередь разместиться следует в черте города, поскольку покинуть Волгоград будет невозможно, уж это он точно знает. Затем, самое важное, его не должны обнаружить сотрудники милиции и КГБ, а также нежелательно появляться на глаза людям.

За благотворительность коммерческим фирмам положены льготы, чем не мог не воспользоваться владелец ЖЭУ. Несколько лет назад слесарей припахали к общественной деятельности. Среди них оказался и Звягинцев, которому пришлось посетить несколько субботников. А что поделать, если под угрозу поставлена премия? Деваться было некуда, пришлось работать бесплатно по выходным.

В качестве благотворительной деятельности было выбрано довольно интересное направление по профилю коммунального хозяйства — восстановление городских родников. В принципе, ничего сложного, работа, с которой справится обычный человек без специальных навыков: приехать на место, выгрести из родника грязь, обложить его красиво камнями, заменить трубу. Звягинцеву достался малоизвестный родник в Советском районе, он расположен в овраге. Если бы не карта, он бы ни за что не нашёл этот родник. Он был сильно запущен. Люди там появлялись очень редко. Подъезд для автомобиля имелся, но он был очень неудобным, и видно, что использовался крайне редко.

Вспомнив об этом месте, Звягинцев решил отправиться туда, но поскольку клонов оставлять он не хотел, то развеял всех троих, собрал их одежду и погрузил на переднее пассажирское сиденье, которое оставалось относительно свободным.

Единственной проблемой стали очки, которые на троих дублей, которых может создать обладатель инопланетного устройства, всего в одном экземпляре, а на покупку ещё пары штук нет денег. Четырёхсот рублей не хватит даже на покупку одной пары очков.

В овраг гружёный Москвич заехал с огромным трудом. До самого родника доехать не удалось, поэтому Звягинцев постарался загнать машину максимально далеко от заросшей грунтовой дороги, припарковав её среди деревьев. Дальше ехать было невозможно, деревья росли слишком густо.

Слава вышел из автомобиля и дошёл до родника. Он выглядел ухоженным, словно только вчера был облагорожен, а не пять лет назад. Похоже, что кто-то убирает тут мусор, иначе невозможно объяснить подобную чистоту. Небольшой каменный бассейн, выложенный лично Звягинцевым, оказался наполнен ледяной кристально чистой водой.

Внимательный осмотр позволил обнаружить натопанную тропинку, которая вела в сторону ближайшего склона оврага. Святослав спокойным шагом направился по тропинке, он собирался исследовать окрестности, чтобы найти пригодное для землянки место, ну и в целом знать, чего следует ожидать.

Неподалёку от родника Слава обнаружил признаки человеческого жилища. Впереди был виден самодельный навес, возведённый из подручных материалов: кривых тонких брёвен, веток и покрытый кусками старого, потрёпанного рубероида. Под навесом имелись самодельная лавка и стол, опять же из тонких брёвнышек. Правда, на столешницу были пущены куски ДСП от шкафов, на которых был виден заводской тёмно-коричневый лак.

Дальше прямо в стене оврага имелся навес, за которым была видна самодельная дверь. Прямо под навесом имелся добротный каменный очаг, выполненный в виде печи с дымоходом из старой трубы, он был обложен глиной и слегка дымился. Это говорило о том, что тут точно кто-то живёт.

— Есть кто живой? — громко и спокойно спросил Звягинцев, приблизившись к навесу.

Дверь открылась, и оттуда вышел худой мужчина восточной внешности. Смуглое угловатое лицо покрыто щетиной, настолько густой и тёмной, что она казалась иссиня-чёрной, словно нарисованной. Узкие тёмно-карие глаза смотрели добро, слегка насторожено и с небольшой долей радости, какая бывает у человека, истосковавшегося по обществу себе подобных. Всё же человек — животное социальное, вне общества страдает.

Тёмные волосы мужчины прикрыты чёрной застиранной банданой. На голое тело, настолько же смуглое, как и лицо, у него был надет серый пиджак от рабочего костюма, на ногах такие же брюки, одежда когда-то явно была чёрного цвета, но за время носки и стирки сильно поистрепалась. Брови владельца землянки были такими же густыми, как у товарища Брежнева.

— Добрый день, товарищ, — вежливо произнёс Звягинцев. — Полагаю, вы тут живёте?

— Здравствуйте, — вымученно, но с долей радости от вида живого человека произнёс мужчина с восточным акцентом. — Меня Турсунбек зовут. Я тут живу.

— Приятно познакомиться, Турсунбек. Я Святослав, можно просто Слава.

Звягинцев заметил, что вокруг нет обычных для бездомных признаков ухода на самое дно. Никаких пустых бутылок из-под алкоголя, даже нет бутылочек из-под дешёвого медицинского спирта. Очень чисто. От бездомного не пахло потом, разве самую малость, как от обычного человека после трудового дня, он явно не пренебрегает гигиеной. Чего точно не было, так это ароматов помойки, которыми обычно дурно пахнет от бездомных. Но если судить по следам на одежде, с мылом и бытовой химией у него дефицит, хотя одежда явно часто стирается.

— Проходи, гостем будешь, — добродушно произнёс Турсунбек, распахивая дверь в землянку.

— Спасибо, с удовольствием.

Святослав не испытывал брезгливости и страха, поскольку тут действительно было всё чисто и Турсунбек не выглядел, как какой-то маньяк. Уж маньяков он успел повидать за последнее время столько, что в страшном сне не приснится. Скорее, это был уставший от тяжёлой жизни человек, который выживает, как может.

Внутри землянка оказалась тёмной, но сделанной аккуратно. Печь, которую было видно снаружи, имела продолжение внутри. Тут она была шире, обложена глиной и имела место для закладки дров, прикрытое чугунной заслонкой. Довольно оригинальное решение. Похоже на то, что зимой можно топить печку изнутри и готовить прямо в землянке, а летом готовить еду на улице, причём внутренняя часть очага не должна сильно греться.

Потолок подпирают крепкие брёвна, поверху имеется бревенчатое перекрытие по всей поверхности, всё сделано добротно и надёжно. Стены обмазаны глиной. В углу напротив печи на чурбаках установлен самодельный лежак, на котором имеется матрац. У противоположной стены стоят самодельная лавка и стол из дерева. Были тут и полки, на которых можно заметить старые вёдра, тазик и небольшой запас продовольствия. Больше всего в глаза бросался полотняный наполовину пустой пятикилограммовый мешок, сбоку которого было написано «рис».

— У вас уютно, хотя темновато, — заметил Звягинцев.

— Да, со светом без денег тяжело проблему решить. Друг, зови меня просто, Бек.

Турсунбек говорил на русском языке правильно и чётко, но с восточным акцентом и медленно, как человек, который давно ни с кем не общался.

— Хорошо, Бек, — кивнул Звягинцев. — Интересное решение, — посмотрел он на печь.

— Да, это... — Турсунбек говорил с паузами, подбирая слова. — Она автоматически прогорит, и пожара не будет, и тепло долго сохранится. Я подбирал глину, жёсткий такой.

Всё же, не все слова мужчина говорил правильно, иногда его речь выдавала выходца со Средней Азии, где русский язык хоть и является официальным, но учат ему вместе с местным языком, на котором в основном ведётся общение.

— А живёте давно тут?

Турсунбек задумчиво почесал голову, и сказал:

— Давно... Да, давно, уже четыре года, получается.

— Бек, извиняюсь, что интересуюсь подобным, но если не секрет, как вышло, что вы живёте вот так? Судя по вам, вы выходец из одной из советских республик.

— Да, не совсем, — сел на лавку Турсунбек. — Я давно, в две тысячи десятом, переехал из Узбекской ССР в Рязань. Из Рязани я пришёл.

— Из Рязани? — удивился Звягинцев. — А что случилось?

— Да... И-и-и, там... — вымученно протянул Турсунбек, ему явно неприятно было вспоминать, но и поделиться хотелось. — Дом был — продали. Свои же. Ну-у, староста этот, в деревне. У вас их председателем называют. У нас председателя называют старостой.

— Понятно, и что случилось?

— Староста продал дом под дачу подмосковичам... Мне пришлось уйти.

— Ничего себе! — Звягинцев был поражён. — Это как же так? Вы дом купили, но председатель продал его снова, уже другим людям, а вас выгнал? Да это какой-то беспредел!

— Как-то так, — печально вздохнул Турсунбек, нервно потирая бандану. — Может, на воздух выйдем? Там сейчас тепло.

— Конечно, с удовольствием.